

Г. Форд

Сегодня и завтра

**Продолжение книги "МОЯ ЖИЗНЬ, мои
достижения"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Г11

Г11

Г. Форд

Сегодня и завтра: Продолжение книги "МОЯ ЖИЗНЬ, мои достижения" / Г. Форд – М.: Книга по Требованию, 2013. – 288 с.

ISBN 978-5-458-63667-4

Эта книга обошла почти все государства. Она напечатана на многих языках. Везде ее издания расходились нарасхват. Выдержанная около ста изданий (в том числе семь изданий в СССР в 1924-1927 гг.) автобиографическая книга одного из выдающихся менеджеров XX века, организатора поточно-конвейерного производства и отца автомобильной промышленности США написана ярко, образно, энергично и вдохновенно. Жгучий интерес к ней создан не искусственной рекламной шумихой, а самим ее содержанием: за этой книгой - жизнь и деятельность очень большого человека, за ней - практический опыт создателя производства, небывалого по масштабам и организации. Она содержит богатейший материал, во многом представляющий исторический интерес, но в целом ряде случаев сохраняющий актуальность для экономистов, бизнесменов, руководителей и организаторов производства, чья деятельность нацелена на творческое осмысление и успешное решение хозяйственных задач.

ISBN 978-5-458-63667-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Мы учимся—по завету Ленина учиться у врагов—и твердо знаем, что дождемся момента, повторяющего историческое предание о Петре I. После полтавской „виктории“, пируя с пленными шведскими генералами, он будто бы поднял тост за своих учителей-шведов. „Хорошо же ученики отблагодарили своих учителей“,—уныло сказал один из шведов. Благодарность пролетариата своим учителям тоже обеспечена.

Новая книга Форда построена так же, как и первая. Это—увлекательная экскурсия на заводы и предприятия Форда. Любезный хозяин сопровождает вас и дает подробные разъяснения. Вместе с ним вы последовательно знакомитесь со всеми стадиями, через которые проходит кусок руды, чтобы в течение двух с половиной суток превратиться в готовую, законченную машину. Если пользоваться терминами и понятиями из процесса фордова производства, то самая книга его есть своего рода конвейер—вращающееся полотно дороги, которое страница за страницей подводит к вам различные части автомобиля. Быть может, это полотно слишком быстро вращается для специалиста, которому нужны более подробные чертежи. Но для широкой читательской массы это—очаровательное по художественности плана, организации и экономии зрелище.

Зачем, однако, новая книга, когда есть уже одна о том же?

Ответ на этот вопрос дает такая беседа одного из посетителей заводов Форда с заводским служащим. Этот посетитель уже бывал у Форда три года назад. Он упомянул о каком-то процессе производства... Служащий не понял, о чём говорит его собеседник.

— Да неужели вы не помните о приемах изготовления такой-то части?—спросил удивленно посетитель.—Вы сами, если не ошибаюсь, показывали его мне. Это был совсем новый прием, его только что изобрели.

— А когда это было?

— Ровно три года назад. Неужели забыли?

— Три года — время большое. За эти три года многое изменилось. Мы многое делаем теперь совсем по-иному, чем три года назад.

Разговор этот показателен для Форда. То, что составляет его силу и сообщает жизнь каждой странице его книги, посвященной производству, — это вечная пытливость, хозяйственная неугомонность. Надо тут же сказать — вопреки неумеренной саморекламе Форда и его желанию решительно во всем, во всех деталях видеть нечто свое, оригинальное, фордовское, — надо сказать, что в основных своих чертах рационализация труда и совершенство техники — это идеи не фордовские и не новые. Тут даже нельзя автора искать в виде отдельной личности. Это — основная черта капитализма в пору его зрелости, до наступления поры упадка и загнивания. Предшественников своих Форд может найти и в Англии, и во Франции, в особенности же в Германии. В Соед. Штатах эта черта, как и все в Соед. Штатах, приобрела особую силу и выразительность, получила печать „американизма“, но и это было до Форда. Форд, конечно, довел рационализацию и организацию труда до высших ступеней, но тут нет „изобретения“, а есть лишь удачное применение и развитие общих идей индустриализации.

Форд не этим выделяется среди американских капиталистов, а другим: Форд удачно сочетал в себе богатейшего капиталиста и талантливого инженера-организатора. Эти две функции обычно разъединены. У всех американских миллиардеров на службе содержатся выдающиеся по знаниям и по таланту техники, с их мнением весьма считаются, но не они диктуют свою волю предприятию. Размах капиталиста-хозяина не всегда так широк, как творческий размах строителя. Да и творчество связано, когда работают по чужому заданию. Тут всегда есть некоторое трение, отнимающее часть полезной энергии; есть и некоторая неуверенность. Инженер, лишенный чувства рынка, так же односторонен, как организатор и хозяин предприятия, лишенный чувства технического эксперимента.

В Генри Форде нет этой раздвоенности, обычной при капиталистическом хозяйстве. Он — капиталист, он же и строитель. Он доверяет самому себе. Техника увлекает его, и он охотно финансирует свои собственные эксперименты.

Читатель без труда заметит, что в своей книге Форд всего охотнее расписывает себя как строителя и организатора и затушевывает свою роль капиталиста. Поверить ему, — он только управляющий огромными предприятиями, которые принадлежат народу. Все делается будто бы исключительно для потребителей, для рабочих. Это — излишняя скромность и тщетное лицемерие. Форд — капиталист в той же мере, в какой инженер, и ничто капиталистическое ему не чуждо. Он так презрительно говорит о прибылях, о дивидендах, совсем не в них будто бы дело! Форд работает только для народа, для потребителя, — он просит поверить ему в этом на слово. Но вот, захватывая на своем пути все, из чего можно извлечь выгоду, Форд приобретает железную дорогу, дивидендные прибыли от эксплоатации которой по закону ограничены шестью процентами. Чего бы, казалось, лучше! Но Форд рвет и мечет. Хозяйская натура дает себя знать. Как смеет государство ограничивать дивиденды миллиардеров!

Вообще Форд умеет показать свой товар лицом и в то же время искусно спрятать изнанку. Итти рядом с ним по мастерским в высокой степени поучительно: он — увлекательный рассказчик, влюбленный в свое дело. Но надо все время быть настороже и критически относиться к каждому слову этой капиталистической сирены. Он задерживается на каждом пункте ровно столько времени, сколько это ему нужно. Здесь тоже всюду соблюдается расчет. На двадцати страницах Форд подробно, обстоятельно расскажет о технических условиях труда в такой-то мастерской и затем в одной лишь строке упомянет о том, какое действие оказывают эти условия на здоровье и на психику рабочего. Вам бы хотелось, допустим, подробнее узнать о жизни, о быте сотен тысяч рабочих у Форда. Вы слышали, возможно, о том, что

научно поставленная работа в обстановке капиталистической мастерской в короткий срок истощает силы рабочего, подрывает его энергию, разрушает его физически и дезорганизует морально. Вы знаете, между прочим, со стороны, что шпионаж на предприятиях Форда поставлен на такую же техническую высоту, как и производство моторов, и если, действительно, нет „недовольных“ в царстве Форда, то потому, что за недовольство здесь выбрасывают за ворота „в два счета“. Обо всем этом книги Форда молчат. Изнанка не показана. Буржуазный читатель ею и не заинтересуется. Советский читатель сразу поймет, что здесь-то и неладно дело.

Вот поучительный пример. Форд очень много, с усиленным подчеркиванием говорит о том, что он платит высокую заработную плату, выше, чем на других предприятиях, и что он поднимал по своей воле эту плату с 5 долларов основной ставки до 6 долларов. Это верно. Но у читателя, доверчиво слушающего все, о чем говорит Форд, невольно создается впечатление, что Форд подлинно по своему усмотрению назначал эту плату и что повышение платы это есть его изобретение, одна из особенностей фордизма. Форд ничего не говорит о том, на каком уровне вообще стоит заработка плата в Соед. Штатах и каково ее движение. Он точно так же ни слова не говорит о реальной заработной плате, гипнотизируя читателя, в особенности читателя европейского, цифрой пять и шесть долларов. Между тем только относительные величины могут дать представление о размерах мудрости и щедрости Форда. Стоит восстановить перспективы и истинные пропорции, и эти добродетели ощущительно блекнут. Расцветает зато фордовская способность саморекламирования.

Повышая „добровольно“ заработную плату, Форд только следовал общей в стране тенденции ее повышения. Мы не будем здесь останавливаться на причинах этого явления. Ниже мы коснемся и этого вопроса. Но хорошо известно, что в сравнении с довоенным уровнем заработ-

ная плата выросла вдвое, и так как это явление общее (в среднем) для Соед. Штатов, и для предприятий с „добрьими“ капиталистами и для предприятий с „злыми“ капиталистами, то „мудрость“ Форда тут решительно не при чем. Попробовал бы он не повышать!

Однако, повышалась не только заработкая плата в долларах. Повышались параллельно и цены на предметы первой необходимости. Число долларов росло, а покупательная сила доллара падала, и реальная заработкая плата либо нисколько не поднялась над до-военным уровнем, либо поднялась незначительно. Во всяком случае реальный рост фордовых прибылей во много раз превысил рост реальной заработкая платы, если последний вообще имел место. Не будем осложнять цифрами беглые наши замечания. Сошлемся на отзыв Базиля Манли, бывшего председателя Военного Комитета Труда, о высоте реальной заработкая платы в то время, когда рабочие Форда получали 5 долларов основной платы: „В сравнении с 1900 г. каждый доллар, заработанный рабочим, означал только 49 центов в 1917 г. и 33 цента в 1920 г. Таким образом рабочему, который зарабатывал в 1900 г. 2 доллара в день, надо было в 1920 г. зарабатывать по 6 долларов, чтобы только удержаться на прежнем уровне“¹).

Стало быть, при 5 долларах Форда рабочий заведомо не мог удержаться на том уровне, с которого его сбросила капиталистическая организация труда. Правда, в других предприятиях рабочие получали на несколько центов меньше, но только в эту весьма скромную величину и расценивается мудрость Форда. Заработкая плата в стране повышалась потому, что организованный в рабочие союзы пролетариат не давал ей падать ниже определенного, достаточно низкого прожиточного уровня (высокого лишь на глаз обнищавшей Европы), а Форд забегал петушком вперед, оплачивая грошовой надбавкой невменшательство

¹⁾ Джей Ловстон. „Труд и капитал в Америке“. Гос. Изд. Москва. Стр. 24.

профсоюзов в его дела. Это вполне окупалось, и с точки зрения капиталистической это—неглупая политика. Но оснований для хвастливой саморекламы и для претензий на социальную мудрость здесь нет.

Такова „объективность“ Форда в вопросе о заработной плате рабочих на его предприятиях и в других вопросах социальной политики. Но, конечно, не за этим ездят посетители к Форду и не этому надо у него учиться. То, что поучительно для нас, это—образцовая постановка производства. Советского читателя заинтересует в книге многое, и в особенности близким советской современности покажется „отдел утилизации отбросов“. Вся система Форда есть не что иное, как последовательно проведенный до конца режим экономии. Мысль самого Форда и его инженерно-административного штаба непрерывно работает над тем, чтобы ни один атом энергии не расточался даром, чтобы сырье было использовано на все сто процентов. У нас так много говорят о режиме экономии, и есть люди, думающие, что экономия—это то же, что скопидомство, и что идеальный хозяйственник—это Плюшкин. Но режим экономии совсем не в том заключается, чтобы „дрожать над копейкой“ и стричь все, что стрижке поддается. Форд не боится тратить тысячи на эксперименты, чтобы добиться в конечном счете экономии на миллионы. Не деньги надо беречь, а энергию. Сократить смету гораздо легче, чем сократить непроизводительное расходование топлива.

Мы говорили до сих пор о Форде администраторе, инженере, капиталисте, организаторе. Этот Форд—при всех его недостатках—подкупает своей деловитостью, кипучей энергией, своим умом и твердой волей. Таких бы нам побольше, из другого только классового материала, красных директоров. С этим Фордом интересно беседовать, и пусть он и хвастлив, и завирается подчас, и рекламу любит,—он всегда занятен.

Но есть и другой Форд. Он принимает вас не в мастерской и не в деловом кабинете. Он выходит к вам в гостиной, у него вид пророка, и он читает вам проповедь на социальные темы. Самоуверенно и самовлюбленно он изрекает политico-экономические истины о труде и капитале и о заблуждениях социалистов, и об „естественных законах“, охраняющих мир капиталистических отношений. Все к лучшему в этом наилучшем из миров,—учит он тоном благочестивого квакера.—Нищета только от невежества и праздности. Трудитесь, люди и вы будете счастливы. Капиталисты, платите высокую заработную плату и не гонитесь за прибылью! Рабочие, трудитесь как волы, будьте довольны судьбой и не мечтайте о неосуществимом! И все вообще берите пример с меня, Генри Форда, умнейшего из людей.

В буржуазном мире мудрость начинается с известного количества миллионов долларов. Человек, который стал миллиардером, имеет право учить своих современников правилам морали и хорошего тона. Форд не составляет исключения из всех миллиардеров. Он богат, стало быть—и мудр, и образован. Форд не сомневается в своем праве говорить о вещах и явлениях, которых никогда не изучал.

Слушать и читать Форда-проповедника скучно и тяжело: живой и увлекательный инженер-организатор превращается в заурядного ханжу-тупицу. С величайшим самодовольствием выдает он за оригинальные истины старую, изжеванную, пошлую мудрость буржуазной политической экономии еще до-смитовской, до-рикардовской эпохи. Тут ни спорить, ни опровергать нет охоты. Перелистываешь первые страницы его книги и думаешь: ладно, пусть поболтает! Скорее бы до заводов и мастерских добраться!

Удивляет вот что. У себя в лаборатории, в деловом кабинете Форд, конечно, сторонник научных методов, строгого эксперимента. Мельчайшую часть мотора тысячи раз испробуют, выверят, прежде чем окончательно одобрить ее. Здесь Форд ничего на веру не примет и сурово

гонит всякие традиции. Но пробовал ли он проверить свои социальные выводы путем сличения, изучения, анализа, точного расчета? Конечно, нет. Он не социолог. У него нет и времени для таких занятий. Здесь вера, традиции и классовый инстинкт заменяют ему эксперимент.

Форд грубо оптимистичен,—в американском стиле. Зомбарт отмечал типичные черты этого буржуазного американского оптимизма. Это—хорошее самочувствие людей, которым везет: дело разрастается, прибыли пухнут, товар идет. В своем личном благополучии Форд отражает нынешнее благополучие Соед. Штатов. Отсюда своеобразный фордоцентризм. Соед. Штаты, в сущности, врашаются вокруг Форда, а весь земной шар—вокруг Соед. Штатов. Идеальный общественный строй—это грандиозные фордовские мастерския: полтора миллиарда рабочих, получающих 6 долларов в день, над ними немногочисленная администрация, а над всеми, в облаках вечного блаженства, сам Форд. Рабочие производят автомобили и сами же покупают их, все трудятся, все обеспечены, и нет никаких социальных проблем.

Чтобы оценить по достоинству глубину фордовой социологии, достаточно вдвинуть ее в рамки подлинных, реальных отношений. Совершенствуйте производство,—учит Форд,—платите высокую заработную плату, и все наладится. Почему же, при столь простой программе, ничего не налаживается в Европе? Невежество,—говорит Форд.—Люди сами своих интересов не понимают. Если бы поняли, все устроили бы как в Америке.

Но вот в Германии капиталисты превосходно все понимают. Они проводят теперь такую „рационализацию“ труда, что, пожалуй, и Форд нашел бы ее сверх-американской. Но в Германии, в условиях капиталистической конкуренции, эта рационализация сопровождается огромной безработицей, удлинением рабочего дня и понижением заработной платы. Рационализация сулит капиталистам огромные барыши, но она же несет в себе такое обострение классовых противоречий, что неизвестно, в ко-

нечном счете, кто результатами этой рационализации воспользуется. Предлагать германским капиталистам платить „высокую заработную плату“ на американский манер—это значит рекомендовать туберкулезному безработному лечить свои легкие воздухом Ниццы. Американские капиталисты могут выбросить рабочим крохи той богатой добычи, которую они собрали во время войны и теперь собирают со всего света. Но германские капиталисты сами выдирают у рабочих жалкие крохи их послевоенного заработка. Они читают книги Форда и все же выдирают.

Это одна иллюстрация к социальной философии Форда. А вот другая. Техническое оборудование английских шахт, как известно, в большинстве своем невероятно устарело. Это одна из причин их убыточности. В нынешнем их состоянии они могут конкурировать на внешнем рынке только при условии понижения заработной платы рабочих и удлинения рабочего дня. Этого и добиваются угольные бароны, придерживающиеся в общем той же социальной философии, что и Форд. Что бы он им сказал? Рационализируйте, лорды и милорды, ваши шахты и не трогайте ни заработной платы, ни рабочего дня. Это и предлагает „Королевская Комиссия“ Сэмюэля, состоящая из представителей фордовской социологии. Но капиталисты не хотят об этом слышать. В таком случае надо национализовать шахты,—говорят последовательно-логически рабочие. Но против этого во имя охраны основ частной собственности подымают единодушный вопль все—и капиталисты, и буржуазные рационализаторы, и сам Форд. Выход из этого положения есть только на путях острой и ожесточенной классовой борьбы, такой борьбы, которая пролагает английскому пролетариату путь к овладению политической властью и к национализации недр.

Таким образом социальная философия Форда с ее „естественными законами“ не выдерживает ни малейшей критики, при первом же соприкосновении с реальной обстановкой европейского капиталистического хозяйства, с его кризисами и упадочностью, с отчаянными поисками

рынков, бешеной конкуренцией и острой безработицей. Конструированный по методам этой философии автомобиль разбился бы о первый же камень ухабистой европейской дороги. Как долго будет длиться в Америке блаженное для Форда состояние, сказать трудно. Однако, полагаться на прочность „естественных законов“ не рекомендовалось бы. Форд очень глух, и явно торопясь уйти от неприятных воспоминаний, рассказывает о таком моменте в истории заводов, когда их пришлось прикрыть на целых шесть недель. Рабочие, надо думать, тогда не получали ни высокой, ни низкой заработной платы. За исключением небольшого числа, все они получили расчет. Форду пришлось напрячь все усилия, чтобы избежать банкротства. Это был весьма неприятный перебой в действии „естественных законов“, по которым желающий трудиться всегда трудится, а мудрый капиталист всегда платит высокую заработную плату. Этот момент в истории заводов Форда совпал с моментом общего жестокого кризиса, последовавшего за перепроизводством и переполнением рынка.

Такой момент был пять лет тому назад, и такие моменты будут повторяться неоднократно. Ирония судьбы сказалась в том, что вскоре после того, как была написана вторая книга Форда, и, может быть, уже тогда, когда она поступила в магазины, дразня читателей новизной своей обложки, наметился новый неприятный „момент“ в истории фордовских предприятий: газеты принесли известие о сильном сокращении производства Форда в виду перепроизводства автомобилей. А сокращение производства есть и сокращение рабочей силы, и безработные тысячами собираются у запертых ворот Форда, пока он в гостиной, окруженный прихватиями и холопами, разглагольствует на тему о покорном труде и благочестивом капитале.

Д. Заславский,

Октябрь 1926 г.